

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН,
АЛЕКСЕЙ ТАБАЛЫКИН
СТРЕЛЯЙ,
НАПАРНИК!

Андрей Белянин
Стреляй, напарник!

«АЛЬФА-КНИГА»

2021

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Белянин А. О.

Стреляй, напарник! / А. О. Белянин — «АЛЬФА-КНИГА», 2021

ISBN 978-5-9922-3294-3

Мы всегда знали, что не одни в этом мире. Но редко задумывались о том, насколько хрупкими могут быть грани, отделяющие людей от нелюдей. От тех, кто выходит на охоту ночью, кто пьёт кровь и для кого ценность человеческой жизни равна нулю. Именно от них наши города и улицы защищают спецв в гражданском. У них бронебойное оружие, наука и магия, своё понятие долга и чести. Их называют граничары. Они стреляют без предупреждения.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-3294-3

© Белянин А. О., 2021
© АЛЬФА-КНИГА, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Андрей Белянин, Алексей Табалакин

Стреляй, напарник!

Пролог

Астрахань. Июль 2012 г.

Быстрым шагом Тагир, начальник охраны, направлялся к зданию фирмы. Он был в недоумении, поскольку минут двадцать назад ему позвонил директор и велел срочно явиться, потому как нагрянула ФСБ. Учитывая профиль компании, можно было ожидать визита налоговой, санэпидстанции, пожарной охраны, но никак не фээсбэшников.

Это как-то не укладывалось в привычные рамки. Пройдя к дверям, он посмотрел на вахтёра за стеклом. Тот сидел на своём месте мрачный как туча.

– Что у нас тут? – спросил Тагир.

– Да кто его разберёт, – проворчал тот. – Приходили особы с корочками, зашли в офис, постреляли там, потом выволокли одного из наших. Не знаю кого, не признал.

– Они стреляли?! Ты уверен?

– Не, ну-у... – Вахтёр немного замялся. – Вроде как выстрелы слышались.

«Вроде – это не ответ», – решил Тагир, не став больше ни о чём расспрашивать старика, избежал по лестнице и вошёл в просторный зал офиса. Справа – ряды компьютеров с операторами, слева – столы торговых агентов. И тут и там перепуганные сотрудники, кучкуясь, что-то обсуждали вполголоса. Женщины явно нервничали, мужчины вели себя поспокойней, пытаясь разрядить атмосферу тихим матом и шутками.

Тагиру следовало идти к директору за разъяснениями. Но он хотел сперва расспросить о произошедшем кого-нибудь из зала. Для этой цели лучше всего подходил начальник автопарка. Бывшей собровец, ветеран горячих точек, он, в отличие от остальных, сумел сохранить самообладание.

– Привет, Михаил! – поздоровался с ним Тагир.

– И тебе не хворать, – ответил тот. – Слышал уже, что у нас здесь творилось?

– Пока только в общих чертах, так что теперь хотелось бы подробностей.

– Хм! Подробностей. А подробности такие: завалились к нам четыре амбала в гражданке. Был с ними ещё какой-то пятый хлыщ, но тот чё-то перетёр с их старшим и смылся. Остальные подошли к Сашке Тимохину, метнули ему под нос свои корочки, представились фээсбэшниками и что-то там ему лабать начали. А Санёк вдруг вскочил да на голубом глазу раскидал их по офису.

– Кто, Саша?! – воскликнул удивлённый Тагир.

– Да, представь себе, наш Саша, – подтвердил Михаил. – Удивлён? Вот и я прихренел неслабо. Сколько мы его знаем, никогда он не производил впечатление крутого рукопашника. А тут вдруг такие навороты. Руками, ногами так отдубасил амбалов, что только пух летел. Раскидал их в стороны и дёру! Только почему-то не к выходу, а в сортир.

– На фиг?! – Изумлению Тагира не было предела. Ведь в туалете был только вход, он же и выход, бежать оттуда некуда.

– Да-да, – ещё раз подтвердил Михаил, – прямиком в сортир. Амбалы за ним туда бросились, какое-то время тишина, и вдруг – бабах! бабах! – стрельба. Через минуту выносят Сашку на руках. Без сознания, но вроде целого, крови на нём не увидел. Но самое интересное, зайди в толчок и посмотри, куда они стреляли.

Озадаченный начальник охраны последовал совету и зашёл в санузел. Небольшой коридорчик, слева кабинки, справа умывальники, напротив входа большое зеркало. Оно-то и при-

влекло сразу внимание. Вся его поверхность была утыкана пулевыми отверстиями. Порази-тельно, но само зеркало не рассыпалось. Не лежало осколками на полу, а всё так же висело на стене. Дырявое, в трещинах, но не рассыпавшееся.

Тагир посмотрел себе под ноги, хотел найти какую-нибудь гильзу, чтобы определить, из какого оружия стреляли. Не обнаружил ни одной. Ещё раз взглянув на зеркало, сосчитал количество отверстий и снова посмотрел на пол. Ничего нет.

«Они что, все гильзы забрали? – пронеслась у него мысль. – К чему такая таинствен-ность?»

– Гильзы не ищи, – сказал подошедший сзади Миша. – Нету их. Я сам искал, фигу нашёл. И ещё, когда они Сашку выносили, пистолеты в руках держали. Я те так скажу, на своём веку много мне стволов видеть доводилось, но таких пушек я до сего дня не встречал. Не похоже это на табельное оружие.

– А точно ли это фээсбэшники?

– Ну а мне почём знать? Они мне ксивы не показывали. Зашли и вышли, как к себе домой. Ни здрасте, ни до свидания. Беспредел какой-то. Словно снова девяностые вернулись.

– Директор в курсе?

– А как же! Всё с моих слов знает. Я ему как на духу обо всём рассказал, как и тебе сейчас. Сам-то он ни шиша не видел. Как выстрелы отгремели, он и носа из кабинета не высовывал, пока я за ним не зашёл.

– Понятно! – Тагир вышел обратно в зал. К директору спешить не надо, раз тот ничего нового не скажет, значит, его пока можно проигнорировать. – Так ты говоришь, наш скромник Тимохин здесь крутой махач устроил? – спросил он у шедшего следом Михаила.

– Ну да, – подтвердил тот. – Как раз у агентских столов. А что?

Михаил проследил взгляд Тагира, уставившегося в потолок.

– Опа! – осенило его.

– Вот именно! – кивнул начальник охраны. На потолке, в разных местах, висели охранные видеокamеры. Одна из них как раз над столами торговых агентов. То есть над тем местом, где и произошла драка. Тагир направился к выходу. Михаил увязался за ним.

Говорят, что надежда умирает последней. Так вот надежда посмотреть видеозапись драки не просто умерла. Она была убита самым жестоким образом. Камера, висевшая над столами, впрочем, как и все остальные, ничего не показывала. Экраны мониторов в комнате видеонаблюдения мерцали «снежком». Перемотки записей ничего не дали. Ни на одном носителе ни одного кадра.

– Вот и гадай теперь, настоящие это были фээсбэшники или кто-то косил под них?

– Неправильный вопрос задаёшь, старина, – похлопал его по плечу Михаил. – Сейчас главный вопрос: если это были настоящие фээсбэшники, то кто тогда Саша? Он у нас года три проработал. Все думали, парень как парень. Простой торговый агент, каких много. А он вона какой киндер-сюрприз оказался. – Начальник автопарка многозначительно поднял кверху палец. – Над этим подумай. – И он покинул комнату.

Глубоко вздохнув, Тагир тяжело облокотился на панель управления и не мигая уставился в один из экранов.

– А ведь верно, – пробормотал он. – Кто же такой этот, чтоб его, Саша?!

Глава 1

Астрахань. Апрель. Наши дни

Общепринято считать, что кухня – вотчина женщины. Мужчины – добытчики, и на кухне им делать нечего. А если и приходится какому-нибудь бедолаге хлопотать у плиты, то справляется он весьма неловко. На уровне сварить пельмени – ещё как-то, а вот уже поджарить яичницу, так чтоб не до углей – это посложнее.

Александр Васильевич Тимохин был из другой когорты. Ему нравилось готовить и вообще возиться на кухне. А если бы кто-нибудь сказал ему, что он занимается «бабским делом», то получили бы в ответ снисходительную улыбку. Процесс приготовления пищи не может быть тягостным, если делать это под настроение и музыку. Но не просто под музыку, а под старый добрый рок восьмидесятых.

Каждое утро, закончив зарядку и приняв душ, Саша шёл на кухню, включал музыкальный центр, и начиналось шоу одного актёра, без зрителей. Вот под вступление «Дым над водой» извлекаются продукты из холодильника. Зазвучал первый куплет – под него кисти рук вращают ножи. Гроыхнул припев – и один из ножей метким броском втыкается в разделочную доску, висящую на дальней стене. Досок у Александра много, и они развешаны по всем стенам. А ножей ещё больше, и под ритмы рока он ими фехтует, рубит, колет, швыряя в доски из любого положения. Своего рода разминка и тренировка.

Но и про готовку забывать нельзя: кивая в такт музыки головой, сыплет муку, взбивает тесто. Подбрасывает с переворотом и ловит за ручку сковороды. Вот она на плите. Шипит газ, шкварчит на раскалённом масле ветчина, режутся овощи. Музыка не умолкает, песни меняются одна за другой. Деревянная лопатка возле рта, как микрофон, когда Саша вторит крепышам из «Мановар».

Оладьи со сковороды сбрасываются в миску. Новая порция теста заливается в раскалённое масло. Лопатка пока свободна и вертится между пальцев, как барабанная палочка Томми Ли. Полная миска пышущих жаром оладий несётся левой рукой на стол, а правая, со сложенными в «козу» пальцами, вздымается над головой, и громкий крик: «Ай вона рок!» – заглушает вокалиста «Твистед систер».

Вся эта кухонная идиллия нарушается, когда до Сашиного слуха доносится рок-версия песни о Щорсе, установленная на рингтоне.

– Чёртов мобильник! – расстроено проворчал Александр, отключая музыкальный центр.

Весь душевный подъём вмиг улетучился. На смену пришла безысходная злость. Всё, что ему сейчас хотелось, это садануть телефон об стену, так чтобы тот замолк навечно. Но делать этого по многим причинам нельзя. Хочешь не хочешь, а ответить надо.

– Аллю! Я слушаю.

– Через пять минут, – раздался из динамика властный, не терпящий возражений голос.

– Вас понял.

Связь обрывается, и Саша, оставляя на столе нетронутый завтрак, спешит переодеваться. Его ждёт работа.

Через пять минут он уже стоял у двери парадной. Чёрный пикап «мицубиси» с затонированными стёклами плавно притормозил напротив. Тяжко вздохнув, Александр подошёл к нему и забрался на заднее сиденье.

– Доброе утро всем! – сказал он тоном, более подходящим для чтения некролога.

– Здравствуй, – ровно ответили ему с переднего правого сиденья.

Машина резво выехала со двора и влилась в уличный поток. Некоторое время ехали молча. Тимохин пригляделся к попутчикам. Здоровые парни в спортивных куртках. Их он не

знал, видел впервые. А вот сидящего рядом с водителем Анатолия Сулинова знал отлично, как своего непосредственного начальника, по жизни – командира ударной группы секретной организации под названием Комитет.

– Как твоё самочувствие? – прервал тот затянувшееся молчание.

– Вас интересует физическое или душевное?

– И то и другое меня абсолютно не интересует. Просто спросил ради приличия. Для тебя есть задание, и ты пойдёшь на него в любом состоянии.

– А то я не знаю, – парировал Александр. – Но на будущее избавьте меня от вопросиков «для приличия». Сами учите – говорить по существу. Так будьте любезны, говорите.

– Слышь ты, дятел! Не борзей давай! – вмешался в разговор сидящий рядом с Сашей здоровяк.

– Пётр, спокойно, – осадил его командир.

– Да я спокоен, товарищ майор. Только чего он так со старшими огрызается?

– Он, в отличие от вас, внештатный. Ему субординацию блюсти необязательно. А огрызается потому, что недолюбливает нас. Точнее, всю нашу организацию. Верно я говорю, да?

Тимохин скривился. Недолюбливает – это мягко сказано. Ненавидит – вот более близкое по значению слово.

– Как я к вам отношусь, к делу не относится. Сами только что говорили, моё состояние не в счёт, а значит, и чувства тоже. Просто скажите, что надо сделать, и разбежимся.

– Как скажешь, к делу так к делу. Помнишь, как ты к нам попал?

Саша вновь скривился, закусив нижнюю губу. Разве такое забудешь. Анатолий не мог этого видеть, так как сидел к нему спиной, но он, видимо, догадался.

– Вот-вот, воспоминания не из приятных. А теперь слушай новость. Мы обнаружили новую попытку проникновения тёмных эмиссаров. Кто именно их цель – пока непонятно, они осаждают целое семейство. За кем точно охотятся – попробуешь узнать ты.

– Почему я? – удивился Александр. – У вас вон своих волкодавов хватает.

Он покосился на сидящего рядом Петра. Тот демонстративно отвернулся.

– Потому, что случай не единственный и кадровых нам уже не хватает, подключаем внештатников, таких как ты. И потом, сам понимаешь, нам требуется избежать огласки, сделать всё тихо. А для этого надо войти в доверие к кому-нибудь из семьи, проследить, расспросить, в общем, узнать все подробности об их жизни до этого инцидента. Это легче всего сделать тебе, потому что это семья твоей знакомой. Парфёнова Надежда, знаешь такую?

– Знал когда-то. Дружбу водили лет этак пять-шесть назад.

– Вот и хорошо, что дружили, – резюмировал майор. – Старые друзья не забываются. Встретишься с ней как бы случайно и возобновишь дружеские отношения. Разговори её и узнай всё, что положено. А что именно положено, тебя учить не надо. Уже научен.

– Да уж! – выдохнул Тимохин. – Учителя были те ещё.

Здоровяк Пётр завозился на сиденье, видно, хотел ещё что-то сказать по поводу Сашиной борзости. Но командир, угадавший его намерения, жестом велел ему остановиться.

– Семья Парфёновых сейчас под наблюдением, – вновь заговорил он, обращаясь к внештатнику. – Ты сменишь наблюдателя. Дождёшься свою знакомую и в удобный для тебя момент попадёшься ей на глаза. Как действовать дальше, сам знаешь.

– Да уж соображу как-нибудь.

– Вот и соображай, адрес и все остальные данные про её семью скинем тебе на сотовый по вайберу. Кстати, мы уже подъезжаем.

Водитель свернул с дороги, направляясь к частному сектору. Они проехали мимо нескольких двориков и остановились у торца чужеродно смотревшейся здесь девятиэтажки. К машине подошёл высокий блондин в неприметном спортивном костюме и склонился к окну машины.

– Как обстановка? – спросил у него командир.

– Девушка ещё не выходила. Вокруг ничего подозрительного, – коротко отрапортовал тот.

– Хорошо! – кивнул Сулинов и, махнув рукой назад, скомандовал: – Меняйтесь.

– Этот заступает на дежурство? Понаберут кого попало...

Поскольку команда касалась также и Александра, он напоследок показал язык Петру и вылез из машины, уступая место наблюдателю. Но в последний момент, когда тот уже залезал в машину, несильно ткнул его коленом в зад и громко произнёс:

– Упс, какой же я неловкий! Прости, приятель, понабрали-и!

Отступив на пару шагов, Тимохин приготовился к возможному продолжению «инцидента», но наблюдатель только поморщился, смерив его гневным взглядом, уселся в машину и захлопнул дверцу.

– Молодец, Всеволод, – похвалил того Анатолий Викторович. – Хвалю за сдержанность. А ты, задира и провокатор, заступай на пост. Всё, до связи.

Пикап мягко тронулся и уехал, оставляя парня одного, в пятидесяти метрах от той самой девятиэтажки. Проводив их хмурым взглядом, Саша сплюнул сквозь зубы и, сунув руки в карманы, побрёл в противоположную сторону.

Ему не надо было смотреть вайбер, Надин адрес он и так знал. Бывал у неё в гостях. И раз спустя столько лет его привезли к тому же самому дому, значит, место жительства девушка не меняла. Он выбрал для наблюдения скамейку под деревом и сел так, чтобы видеть нужный подъезд, но самому не слишком бросаться в глаза. Долго сидящий без дела человек вызовет подозрение у вездесущих старушек-пенсионерок, поэтому Саша достал смартфон, включил на нём саундтрек, имитирующий звук «игрухи», а сам решил всё-таки взглянуть на информацию о Надиной семье.

– Так, что у нас тут? Ага, Наденька у нас теперь не Парфёнова, а Карпухина. Хм. Знакомая фамилия. Кто муж? Сергей Николаевич Карпужин. Нет, не знаю такого, просто однофамилец. Что далее? Сынишка у них, какая прелесть! Шесть лет, милота, сейчас заплачу от умиления. И всё?! Всего трое. Тем лучше, проще узнать, кто цель эмиссаров.

Тимохин предпочитал рассуждать вслух. Не слишком громко, чтобы не выглядеть психом, но и не про себя. Ему казалось, что, разговаривая сам с собой, он чётче прорабатывает ситуацию.

– Ладно, ребёнка можно вычеркнуть сразу. Остаются взрослые. Кто из них? Тут пятьдесят на пятьдесят, но гадать нельзя, надо знать точно. Что ещё о них известно? Муж – серый менеджер, так называемый офисный баклан. Где Надежда батрачит? Риелтор. Угу, в её стиле. А это что? Какой скандал?! – Он невольно перешёл на театрально-возмущённый шёпот. – Комитет прослушивает мобильники частных лиц? Позор джунглям! А как же гарантированное Конституцией право человека на личную жизнь? А вот фигу вам, никакой личной жизни, но зато всякие там подлые и грязные штучки ради «благих» целей. Ладно-ладно, майор Сулинов, боженька вам всем судья...

Фактом слежки спецслужб за любым гражданином любой страны никого, наверное, уже не удивишь. Александр прочёл список дел своей знакомой. Так, сегодня у неё запись на маникюр, визит к экстрасенсу (вот это интересно!) и вечером встреча с подругой. На этом пока всё. Саша закрыл сотовый, оглядев исподлобья двор. Пока всё спокойно.

– Итак: маникюр, экстрасекс... пардонте, экстрасенс и подруга. Где лучше всего ей показаться и сесть на хвост? – задумался он. – Маникюр отпадает сразу. Для женщин поход в салон красоты – святое. Там их беспокоить нельзя. Экстрасенс? Хм, ну может быть, может быть. Пока под вопросом. Подруга – вот наилучший вариант!

Тимохину так понравилась эта мысль, что он звонко прищёлкнул пальцами и стал развивать дальнейший план действий:

– Встречаемся, удивляемся, болтаем, я делаю проброс: «Какие планы?» Она скажет: «Иду к подруге». Тут же ей наводящий вопрос: «Что за подруга? Я её знаю?» Дальше в зависимости от ответа. Если скажет: «Знаешь, это такая, такая-то, помнишь?», тут же навязываюсь с ней, мол, давай я с тобой, её тоже давно не видел, соскучился. Если скажет «Нет, ты её не знаешь», – начинаю заигрывать – мол, кто такая, познакомь, она замужем? Вот примерно таков план, но как там на самом деле всё пойдёт, пёс его знает. Может, и не выйдет ничего.

Саша потянулся и со скукой уставился на окна дома.

– Как же всё сложно! И почему она не собралась сегодня на пляж? Желательно всей семьёй. Подумаешь, конец апреля на дворе. Другие ведь уже купаются. Сходили бы на пляжик, там бы разделись, а я за ними подглядел – на ком из них метка-маяк. И все дела!

В памяти Тимохина всплыл тот злосчастный день несколько лет назад, когда он сам, будучи простым торговым агентом, впервые попал в поле зрения Комитета...

Астрахань. Июль 2012 г.

Солнце яркими зайчиками отражалось от водной поверхности. Волны с тихим шелестом мягко накатывались на берег. Горячий песок пляжа источал жар, словно бы даже не уговаривая, а принуждая окунуться в спасительную прохладу реки. Саша лежал на песке в тени своей машины и не спешил в воду. У него уже было два долгих заплыва, перед третьим хотелось хорошенько отдохнуть. Он лениво смотрел на пляж, отдыхающих было немного, и вновь переводил взгляд на просторы Волги.

«Идиллия!» – подумалось ему.

Он любил бывать на этом пляже. Сюда далеко добираться, но зато здесь немногочисленно. Особенно в будни. Правда, чтобы бывать здесь в будни, приходится прогуливать работу. Но Александра Тимохина это не особо заботило. У него уже давно прошёл рабочий энтузиазм, и работал он чисто механически, по накатанной. И пусть от этого труд превращался в монотонную рутину, но тем приятнее были подобные «прогулы».

– День добрый, земля! – прозвучал над ним чей-то голос.

Саша поднял взгляд и увидел незнакомого парня.

– Извини за беспокойство, приятель, – сказал тот. – Не одолжишь насос на пару минут? Колесо спустило, недоглядел.

Он кивнул себе за спину, указывая на серый «опель». Заднее колесо у него действительно было спущено. Не выясняя, а где его собственный насос, Саша пожал плечами, поднялся с песка и, достав свой из багажника, протянул его парню.

– О! Спасибо большое, я быст... быстро. – Парень запнулся на последнем слове, когда, беря насос, взглянул на живот Александра. На какое-то время он замер, разглядывая Сашины родинки, сложенные в причудливый узор, похожий на созвездие Большой Медведицы. Потом, словно опомнившись, он тряхнул головой и, повторив: – Я быстро! – резвым шагом направился к «опелю».

«Чудик», – подумал, глядя ему вслед, Саша.

Расслабленный жарой и дыханием реки, он не придавал особого значения поведению окружающих. И на блондинистого незнакомца не обращал больше внимания. Даже когда тот вернул насос и поблагодарил его за помощь, всего лишь кивнул в ответ, не глядя. Именно поэтому, наверное, и не видел, как пристально за ним наблюдает незнакомец.

Примерно через час, ещё раз искупавшись и обсохнув, Тимохин решил, что пора бы вернуться на маршрут и хотя бы создать видимость работы. Наскоро собравшись, он завёл машину и покинул пляж. Ему не пришло в голову оглядываться, поэтому он не заметил, что серый «опель» следует за ним на некотором отдалении. Не замечал он слежку и весь остаток рабочего дня.

И лишь под вечер, выдумывая в офисе отчёт о проделанной работе, Саша увидел владельца «опеля». Тот зашёл к ним в зал в сопровождении четырёх мужчин спортивного вида. Бегло осмотрев офис, «чудик» заметил Александра и, тронув за плечо самого старшего из четверки, что-то быстро прошептал тому на ухо, кивая в сторону Саши.

«И что это значит? – подумал Тимохин. – Клоунада с выездом на дом?!»

Но, несмотря на браваду, где-то в подсознании он ощутил укол беспокойства. Мужики совсем не походили на клоунов. К тому же под лёгкими летними пиджаками у них явственно проступали кобуры с оружием. Пляжный незнакомец, закончив шептать, быстро удалился, а четвёрка здоровяков направились к столу Александра.

Они приближались с грацией тяжёлых танков, казалось, что от их поступи трясётся пол и дребезжат стёкла в окнах. Казалось, остановить эту панцирную бригаду не сможет и гаубица. Даже если бить прямой наводкой. Вот они приблизились и встали перед ним, возвышаясь словно каменные башни над деревянным сарайчиком.

– Добрый вечер! – поздоровался самый старший, протягивая удостоверение. – Майор Сулинов. ФСБ. У нас к вам несколько вопросов. Прошу вас следовать за нами.

– Я арестован? – спросил Тимохин. – За что?

– Нет, – опроверг его опасения майор. – Вы нам нужны в качестве свидетеля. Не переживайте. Надолго мы вас не задержим.

Молодой человек отлично понимал, что это обман, потому что свидетелей вызывают повесткой, а не высылают за ними группу, смахивающую на конвой. Но что возразить – он не знал, как отказаться – тоже. От волнения ладони вспотели, колени предательски дрожали. Хотелось придумать достойную причину для отказа следовать за ними, но в голове было пусто. Извечный русский вопрос «Что делать?» оставался без ответа.

Вдруг Александр почувствовал, как неведомый огонь начинает быстро разгораться у него в груди. Он не успел ничего понять. Огонь в груди, словно взрыв, поглотил его целиком, смял в песчинку и выбросил в тёмную бездну, где не было ни пространства, ни времени.

После бесконечного полёта в пустоте сознание вернулось к нему, и он увидел себя сидящим на стуле в незнакомом помещении с одной дверью и огромным зеркалом на стене. Это была допросная комната Комитета.

Астрахань. Апрель. Наши дни

Звук открываемого домофона вернул Александра к действительности. Из подъезда, за которым он наблюдал, вышла женщина с ребёнком. Это была не Надя.

– Отбой воздушной тревоги. – Он посмотрел на часы – без двадцати одиннадцать. – Ё-моё! Сколько же ещё ждать?!

Согласно записи на вайбере, маникюр у Надежды назначен на два часа дня.

– И смысл было меня притащить сюда в такую рань? Неужели нельзя было заменить наблюдателя непосредственно перед выходом Нади? Этот Всеволод мог бы и посидеть ещё пару-тройку часиков, не надорвался бы.

Вспомнив о нём, Саша почувствовал, как в груди закипает злорада. Именно его он винил во всех своих бедах. А конкретно именно Всеволод и был тот самый парень на сером «опеле», который навёл на Тимохина бойцов Комитета.

– Здорово я ему сегодня вмазал, – с невольной гордостью пробормотал Саша. – При случае непременно надо будет повторить. А может, даже и...

Новое пикиканье домофона прервало его размышления. Он поднял взгляд:

– Опаньки! И куда это мы собрались?

Надя, а это была она, никаких сомнений, вышла из парадной и быстрым шагом направилась к припаркованной у тротуара «хонде». Достала из сумочки ключи, отключила сигнализацию.

«Долбить вас всех лопатой по хребту! – мысленно прокричал Саня, адресуя своё проклятие всему Комитету. – Почему никто ни словом не заикнулся, что у неё машина?! Как я, пешеход, буду следить за едущей в автомобиле? Бегать за ней со спринтерской скоростью?»

Надежда тем временем завела двигатель. Ещё несколько секунд, и она тронется. Надо что-то срочно предпринять. Сперва у Саши возникла мысль броситься наперерез и, отбросив конспирацию, сразу войти в контакт с «объектом наблюдения». Но этот вариант пришлось забраковать, потому что Надя стала выкручивать руль и маневрировать, давая малый ход назад.

«Будет разворачиваться. А значит, поедет в противоположную сторону. Наперерез броситься не удастся. – Сразу же возник план «Б». – Пока эта блондинка за рулём развернётся, потом на малой скорости вдоль домов объедет дворы и попадёт на улицу, мне надо бежать напрямки. Окажусь у дороги раньше её и прыгну в первое же такси. А дальше сказочка про подозрительного мужа и неверную жену. Буду следить за ней таким образом. Ох, влетит мне такая слежка в копеечку! Сулинову пожалею, пусть, направляя на слежку, обеспечивают либо транспортом, либо финансами на непредвиденные расходы».

Последнее он додумывал уже на бегу. Огибая деревья, детские площадки, перепрыгивая кусты, Саша мчался сломя голову. Оправдываться перед начальством за провал и отсрочку операции очень не хотелось. Вот прямо очень-очень...

Только поэтому, осторожно обернувшись, он вовремя заметил, что никакая «хонда» со двора не выезжает. Ничего подобного. Машина его знакомой спокойно стояла у предпоследнего от выезда дома, а сама Надя, поигрывая брелоком, направлялась к салону красоты, расположенному на первом этаже соседнего дома.

«Так она же на маникюр была записана? Но ещё рано. И почему на машине?»

Как ни странно, логичные ответы пришли сразу. Скорее всего, время просто перенесли в последний момент, а прокатиться на машине сто метров от дома до салона для блондинки вообще в порядке вещей. Тем более что по двору ещё надо колесить взад-вперёд, мимо детской площадки в объезд парковки. Значит, идёт к экстрасенсу. Действовать пришлось быстро...

– Ой, Саша! Это ты? Привет! Сколько лет, сколько зим! – воскликнула Надежда, встретив «проходящего мимо» и «не замечающего» её Александра.

Удивлённо поморгав, он изобразил на лице радостное узнавание и восторженно приветствовал давнюю подругу:

– Оу! Надежда! Всё хорошеешь! Давно не виделись. Куда идёшь?

Надя махнула рукой в сторону хрущёвки с новенькой пристройкой в торце:

– Туда.

– Давай провожу. Ну хоть Расскажи, как сама. Ты замужем? Детишки есть?

– Да, уже семь лет в браке. – Все женщины любят о себе рассказывать. – Сынуля у нас, шесть лет. Витей назвали. Готовим его в этом году в школу.

– Да ну? Мужик подрастает!

– И не говори, ещё как подрастает. Казалось бы, вот только на руках его качала, подгузники меняла. А оглянуться не успела, уже первый класс на носу маячит. Как же время быстро летит...

Надя, не переставая, выплёскивала на благодарного слушателя все свои новости, как свежие, так и не очень. Приходилось чуть ли не глотать слова от спешки, ведь хрущёвка всё ближе, а рассказать надо ещё так много. Саша шёл рядом, улыбался, поддакивал, кивал время от времени, поддерживая разговор. Сам же лихорадочно думал, как напроситься с ней за компанию к экстрасенсу, офис которого находился в той самой новенькой пристройке.

Ещё утром он планировал пересечься с Надей перед её встречей с подругой. Но после казуса с салоном красоты решил форсировать события, опасаясь новых осложнений из-за женской неопределённости.

– Ох, слушай! – прервал он Надин словопоток. – А что это за офис? Ты сюда идёшь?

– Здесь приёмная Эммы Гордеевны, признанного экстрасенса и медиума. Мне назначено.

– А зачем тебе экстрасенс? Ты что, хочешь на суженого погадать? Так ты говорила, что замужем.

– Нет, Саш. – Надежда вдруг стала очень серьёзной. – Понимаешь, у нас в семье что-то странное происходит. Даже не знаю, стоит ли тебе об этом говорить.

– Ну! Раз уж начала, то жми до конца. Я хоть и не «экстра», и не «сенс», но, может, тоже чем-то помочь смогу. По крайней мере, внимательно выслушаю.

Женщина взглянула на свои часики. Как видно, до назначенного часа ещё оставалось время, и она решилась на откровение.

– Хорошо! Только, пожалуйста, не считай, что я сошла с ума.

Опустив детали, попробуем передать её рассказ. В одну из ночей супружеская чета Карпухиных была разбужена их же собственным сыном. Малыш поднял на ноги маму криками, что в его комнате привидение. Папа тоже проснулся, но подниматься не собирался, предоставив жене разобраться с ребёнком.

– У нас привидение, – как заведённый повторял сын, забравшись к маме на колени и прижимаясь к ней всем телом, как испуганный щенок. Надежда, как могла, попыталась успокоить сына, объясняя ему, что привидений не бывает, что ему это только приснилось, что он уже большой мальчик и не должен ничего бояться.

– Бывают, – возразил сын, указывая пальцем на стену. – Вон оно ползёт.

Мама проследила за его взглядом и замерла. Свет уличных фонарей падал из окна на стену, образуя на ней светлый прямоугольник, словно экран проектора. Так вот по этому прямоугольнику поднималось тёмное пятно, силуэтом напоминающее медузу.

– Се-рё-жа-а! – Вопль перепуганной жены подбросил главу семейства над кроватью, прогнав напрочь сон и нервные клетки.

Мужчина рывкнул на жену и сына, надеясь своей строгостью навести порядок и поспать – хотя бы до будильника, но супруга вцепилась ему в плечо и начала судорожно трясти чуть ли не в истерике:

– Смотри, смотри, смотри!

Матерясь на весь свет, муж наконец-то заметил тёмный силуэт на стене. Надежда, крепко прижимая сына, скукожилась на кровати, испуганно подвывая. А Сергей стоял столбом, глядя на тень, и пытался найти логическое объяснение данному феномену.

Между тем пятно на стене стало трансформироваться, превращаясь из силуэта медузы в подобие человеческого силуэта. На тёмном фоне головы зажглись два ярко-малиновых огонька. И словно два зловещих глаза уставились на несчастное семейство. Под воздействием этого взгляда дикий ужас охватил взрослых людей.

Они не могли ни пошевелиться, ни издавать звуки, ни даже мыслить. Всё, что им оставалось, это обречённо смотреть перед собой. И неизвестно, чем бы всё закончилось, если бы не маленький Витя. Когда мама его обнимала, он оказался спиной к призраку и не мог видеть этих жутких глаз. Именно поэтому он сумел разглядеть кое-что иное, а именно шнурок бра, висящего над кроватью. Каждый, кто боится темноты, стремится побыстрее включить свет, чтобы вместе с тьмой развеялись его страхи.

Вот и мальчик, долго не раздумывая, протянул руку и зажёл светильник. Мягкий спасительный свет озарил комнату, согнав со стены тёмную фигуру. Взрослые вышли из оцепенения и, поняв, что их спасло, поспешно повключали все имеющиеся в квартире осветительные приборы. После этого глава семьи ещё долго искал по комнате скрытый кинопроектор или что-нибудь подобное, чтобы убедиться, а не был ли виденный ими силуэт чьим-то дурацким розыгрышем. Естественно, он ничего не нашёл.

Но и верить в то, что им довелось увидеть что-то сверхъестественное, никому не хотелось. Мужчина стал убеждать жену и ребёнка, что призраков не существует, что это была какая-

то массовая галлюцинация и они забудут об этом маленьком кошмарики уже к утру. Тем не менее выключать свет в квартире никто не спешил. Наоборот, жена сварила кофе, муж включил погромче телевизор, и вся семья просидела в ярко освещённой квартире до самого утра. Ну, сын, разумеется, уснул через час, детская психика более гибкая...

– Но это ещё не всё, – продолжала Надежда, глядя в глаза внимательно слушавшему её Александру. – За день мы успокоились и думали, ну, наверно, и вправду привиделось... Какое там! В следующую ночь всё повторилось. Снова в темноте объявился этот призрак. И мы опять с включённым светом до утра сидели. Сергей после второй ночи повёл нас всех в церковь. Мы там молились, как могли, просили у святых защиты, свечи ставили. Думали, поможет.

– Не помогло?

– Не помогло, – устало вздохнула женщина. – Только хуже стало. На третью ночь призраков было уже двое.

– Так вам в церкви надо было не у святых помощи просить, а батюшке или кому-то из священнослужителей всё рассказать.

– Ой, Саш! Каким служителям? Чего эти современные батюшки могут? Только пузырь отъедать да на церковные пожертвования иномарки покупать.

– А ты думаешь, экстрасенс лучше? – усмехнулся Тимохин.

– Не знаю. Но мне подружка порекомендовала. Говорит, тётка знатная, много в чём подкованная, умеет всякое. Может, и в нашей проблеме разберётся.

– Да уж! Проблема у вас загадочная, – поддакнул Саня. – Значит, говоришь, тётка зачётная. Эта самая Эмма... как её?

– Гордеевна.

– Ага, Гордеевна! Много знает и умеет. Слушай, Надь, а можно я с тобой? – Молодой человек построил самую умоляющую физиономию. – У меня в последнее время тоже какие-то дела непонятные творятся. Я уж думаю, не сглаз ли это или порча какая-нибудь. Может, эта твоя экстрасенс хотя бы посмотрит на меня? За визит я заплачу, деньги есть. Хочешь, и за тебя тоже заплачу, мне не жалко!

– Ну-у! Честно говоря, не знаю, Саш... – Сомнение в голосе Надежды звучало бы убедительно, если бы не радостные огоньки в глазах. Видно, услуги подобного специалиста стоили немало, и Надя была бы не прочь въехать в рай на чужом горбу. И, пока «спонсор» не сорвался, она поспешно добавила:

– Ладно! Давай попробуем, не прогонит же она нас сразу? Наверняка сперва выслушает.

С древних времён и до наших дней противоположности частенько не только притягиваются, но и шагают рука об руку. Смелость с трусостью, разум с глупостью, а нелепость с изыществом. Вот и магический офис Эммы Гордеевны являл собой наглядный пример общности несовместимого.

Через входную дверь посетители попали в небольшую приёмную, обставленную по последнему слову техники. Явно недавно сделанный евроремонт придавал ей деловой, но при этом довольно уютный вид. Миловидная девушка в строгом костюмчике, отодвинувшись от экрана ноутбука, с улыбкой приветствовала гостей:

– Здравствуйте! Я Элла, секретарь Эммы Гордеевны. Вам назначено?

– Да, – ответила Надя, – я с вами созванивалась. Моя фамилия Карпухина. Посмотрите в журнале.

Секретарша бросила взгляд на экран, клацнула мышкой.

– Да. Карпухина. Есть такая запись. Эмма Гордеевна вас ждёт. А мужчина с вами? Он вроде не записан.

– Совершенно верно, – встрял в разговор Александр и, не давая девушке опомниться, с изыществом фокусника извлёк бумажник и раскрыл его, демонстрируя обилие крупных

купюр. – Элочка, войдите в моё положение, не было возможности записаться, а вот встретиться с Эммой Гордеевной крайне, я бы даже сказал, жизненно необходимо. – Он выложил на стол четыре пятитысячные банкноты. – Но ведь все формальности можно решить доступными способами?

В считанные секунды «формальности» были решены, данные занесены в реестр, и посетителей перенаправили из приёмной в кабинет хозяйки. Саша, убирая бумажник, шёл следом за Надей, мысленно желая этому офису исчезнуть, сгореть, взорваться, разориться, провалиться в преисподнюю. Плата за визит оказалась нереально высока.

«Пожалуюсь майору, пусть компенсируют из кассы Комитета, а то так по миру пойду, с такими заданиями», – мысленно ворчал он, прекрасно понимая, что другого выхода всё равно не было, а на гонорах внештатникам начальство не экономит. Тут всё по-честному.

Как уже говорилось выше, офис являл собой пример противоположностей. Если приёмная отличалась единством вкуса, то рабочий кабинет экстрасенса поражал своей нелепостью. Балаган, шапито, будуар, лавка, сарай – ни одно из этих слов по отдельности не подходило для характеристики убранства данного помещения. Скорее в совокупности они бы дали его приблизительное описание. Хотя Александр со свойственной ему мужской прямолинейностью окрестил кабинет Эммы Гордеевны одним ёмким словом – свалка.

С этим было трудно не согласиться, всё помещение было заставлено, завешано или просто завалено таким количеством всяких керамических божков, жаб с монетами, пластиковых храмов, православных крестов, католических распятий, фарфоровых черепов, хрустальных шаров, колод карт, пыльных свитков и прочих сувенирных изделий, что создавалось впечатление, будто их завозили сюда КаМАЗами, а раскидывали по углам совковой лопатой.

Дополняло общий дискомфорт обилие текстильных изделий. Шёлковые шторы на окнах и дверях, вязаные покрывала на диванах и креслах, ковры на полу и на стенах, кружевные салфетки, скатерти на столах, комодах и тумбах. Даже абажур над центральным столом являлся не чем иным, как куском аляповатой ткани на грубой проволоке.

Саша покосился на свою знакомую. Надя, судя по её сконфуженному лицу, тоже была не в восторге от такого дизайна. Но тут скрипнула противоположная дверь, раздвинулись бордовые шторы, и в кабинет вошла сама хозяйка офиса. Александру пришлось сделать над собой усилие, чтобы не произнести вслух первое же слово, пришедшее ему на ум при виде такого индивида.

Толстая, неопрятная женщина далеко за сорок, на голове рыжий шиньон, тонна театрального грима, брови нарисованы чёрным маркером, все пальцы в кольцах, на шее ожерелья, цепи, бусы, монисто, на руках десятки разнообразных браслетов. Одета в бесформенное серое платье-балахон, на плечах цыганская шаль, в глазах питерская брезгливость ко всем людям в мире. Как-то, наверное, так...

– Проходите, садитесь, – низким грудным голосом произнесла Эмма Гордеевна.

Ни «здрасте», ни «добрый день», никаких иных приветствий. Пока Саша с Надей осторожно, словно ступали по минному полю, двигались к стоящим у стола креслам, экстрасенс окинула их цепким взглядом. Надежда её, судя по всему, не заинтересовала, а вот Александра она рассматривала особенно тщательно. Наиболее пристальному обзору, на грани неприличия, почему-то подвергся его живот.

– Ну, мужчина, я вас слушаю, – сказала она, когда гости расселись перед столом.

– Простите, но она первая расскажет о своём деле, – ответил Тимохин, кивая на спутницу.

Экстрасенс слегка нахмурилась, снова зачем-то посмотрела на Сашин живот и в каком-то недоумении перевела взгляд на Надю.

– Я вас слушаю, милочка.

Пока та рассказывала свою историю, Саша более внимательно стал всматриваться в убранство комнаты и в саму хозяйку. Он заметил, как экстрасенс буравила его взглядом, и ему

это не понравилось. Ибо вот точно так же его осматривали несколько лет назад совсем в другом месте. Память услужливо подбросила ему воспоминание о том знаковом дне...

Астрахань. Июль 2012 г.

Тимохин не знал, что комната, в которой он сидит, принадлежит Комитету. Да и про сам Комитет он ещё ничего не знал, но был готов побиться об заклад, что эта комната – допросная. Ему не приходилось бывать в подобных помещениях раньше, однако в фильмах про шпионов или полицейских насмотрелся на допросные вдоволь.

Вот одинокий стол посередине. Два стула, на одном из них Саша сидит. Напротив на стене огромное зеркало. Конечно же оно с той стороны прозрачное, и наблюдатели фиксируют каждое его движение. А вот единственная дверь. Через неё скоро войдёт следователь, а может, и сразу двое (один будет изображать плохого копа, а второй хорошего), и начнётся допрос.

Кстати, о допросе. О чём его будут спрашивать? Что такого он сделал? За что арестован? Александр не находил ответа, и это заставляло волноваться всё сильнее.

«Почему? За что?» – билась в мозгу тревожная мысль.

Он никогда не имел дел с криминальными структурами. Даже наоборот, его друзья служили в правоохранительных органах. Да и сам он, сколько себя помнил, с раннего детства и до сего дня не совершил ни одного даже мелкого преступления.

Может, взяли за то, что от армии откосил? Обнаружили, что, находясь в призывном возрасте, занимался в спортивном клубе, в каскадёрской секции. Так тут всё чисто, комиссовали вполне легально из-за реальных недугов. А в клубе занимался как раз для того, чтобы здоровье поправить.

«Нет-нет, всё это не то! – возражал он сам себе. – Для ФСБ все эти уголовные и армейские делишки побоку. Они занимаются вопросами государственной безопасности. Но тут уж я совсем ни при чём! Где я, а где государство! А действительно, где я? В том плане действительно ли это были федералы? То, что тот майор... Как он там представился? Су... Су... да как же?! Ладно, фиг с ним! Так вот, то, что он сказал, будто они из ФСБ, ещё не означает, что это действительно так. Могли ведь и соврать».

Тогда логическим образом возникал другой вопрос: если и соврали, то зачем, с какой целью? Словно желая избавить его от дальнейших мысленных терзаний, открылась дверь и в допросную вошли двое. Первым зашёл тот самый майор, участвовавший в Сашином задержании (про которое, кстати, он сам почти ничего не помнил). Вторым был мужчина среднего роста, чуть полноватый, с круглым добродушным лицом.

«Ага! Двое, – констатировал Александр. – Значит, будут играть в плохого и хорошего. Плохим конечно же будешь ты, майор Су».

Он более внимательно присмотрелся к офицеру, так как при первой встрече было не до смотрин. Высокий, крепкий мужчина, метр девяносто как минимум, накачанный, как Дольф Лундгрэн в «Красном скорпионе». Волосы седые, но не старик уж точно. Лет тридцать – тридцать пять, видимо, многое испытал в жизни, раз поседел до срока.

Майор тем временем сел напротив задержанного, облокотился на стол и уставился ему в глаза, словно собираясь сыграть в игру кто кого переглядит. Александр игру не поддержал, переведя взгляд на второго мужчину. Тот встал у стены, сложив на груди руки, с чуть заметной улыбкой, и так же молчал.

«А ты что за фантик плюшевый?» – мысленно задал ему вопрос Тимохин.

– Я доктор Борменталь, – мгновенно представился «фантик», словно услышав его мысли. – Работаю психологом-дознавателем.

– Ой-ё! Всерьёз же за меня взялись, – не сдержался Тимохин и спросил напрямую: – И чего вы вот дознаваться собираетесь? За что меня задержали? Ордер на мой арест у вас имеется?

– Нам ордер не нужен. Мы шли не тебя арестовывать, а кое-кого другого, – хмыкнул майор, не спеша откинулся на спинку стула и протянул с некоторой иронией: – А ты так, под замес попал. Случайность. Такое бывает. Пришлось взять тебя под нашу защиту.

– Защиту?!

– Да. Защиту, – повторил майор. – Спасибо можешь не говорить. Это наш долг – служить и защищать.

– Вы издеваетесь, что ли?! – Всякое волнение у Тимохина прошло, сменившись невесть откуда взявшейся злостью. – Вы хоть отдаёте себе отчёт, что, притащив меня сюда против моего желания, нарушили российское законодательство и мои конституционные права? Вы нанесли мне психологическую травму, вы разрушили мою репутацию. Вы хоть представляете, что теперь скажут обо мне в офисе? А если меня вообще уволят?!

Майор даже не моргнул глазом, оставаясь невозмутимым, как статуя Давида. И это бесило ещё больше. Тогда Александр переключился на стоящего у стены психолога:

– Вот вы, доктор... кстати, Борменталь – это ваше настоящие имя? Или прозвище, которое вы бесстыже слямзили у Булгакова?

Тот усмехнулся и спокойным, даже каким-то заботливым тоном ответил:

– Александр Васильевич, вам лучше всего сейчас успокоиться. Поверьте, злостью, грубостью и нахрапом вы ничего не добьётесь. В ваших же интересах провести с нами конструктивную беседу. Повторяю, именно беседу. Это позволит составить планы о вашем дальнейшем статусе и наших действиях относительно вас. Поэтому вздохните поглубже, подумайте о чём-то приятном и просто постарайтесь без всяких эмоций выслушать наши вопросы и так же спокойно на них ответить.

Взгляд доктора гипнотизировал, мягкий голос убаюкивал, изгоняя злость, сменяя её какой-то лёгкой беззаботностью. Александр почему-то стал воспринимать своё нахождение в допросной как некую досадную ерунду, не стоящую серьёзных переживаний. По примеру майора он откинулся на спинку стула, закинул ногу на ногу, сцепил на колене руки в замок и постарался максимально расслабиться.

– Что ж! Беседа так беседа. Валяйте, спрашивайте. Но сперва, будьте любезны, гражданин майор, напомните, как ваша фамилия? А то я только первые две буквы помню – «Су», но как-то неудобно величать вас на китайский манер.

– При вашем состоянии большое везение, что вы вообще хоть что-то помните.

– Ого! Уже на «вы». А ведь в начале беседы вы мне тыкали.

– Приношу свои извинения. – В голосе майора, однако, раскаяния не слышалось. – Фамилия моя Сулинов, зовут Анатолий Викторович. Теперь, если все условности соблюдены, можем приступить непосредственно к разговору.

– А как же доктор? – прервал его Саша. – Разве он не представится полностью?

Майор нахмурился, а психолог поспешил вмешаться:

– Борменталь, этого вполне достаточно. И кстати, вы правы, это псевдоним, взятый из повести Булгакова.

– Так отчего всего лишь доктор? Могли и профессором Преображенским назваться.

– Увы, я довольно скромно и считаю себя пока недостойным такой чести.

– Так! Вы уже закончили обмен любезностями? – прорычал майор, теряя терпение.

– Вполне, – снизошёл Александр. Ему понравилось, что бастион невозмутимости дал слабину. – Я готов, спрашивайте.

Сулинов смерил его строгим взглядом, как бы проверяя, действительно ли тот готов, и, вновь облокотившись на стол, приступил к делу:

– Гражданин Тимохин, – назвав Сашу по фамилии, он давал понять, что игры кончились, началась официальная часть, – что вы помните о моменте вашего задержания?

– Так всё-таки «задержание», а говорили, что ловили другого, а меня типа под защиту взяли. Ага?

– Отвечайте на поставленный вопрос! – Майор Сулинов перешёл на тон, отбивающий всякое желание пустословить.

– Хорошо-хорошо! Про моё задержание я почти ни... э-э-э... хм... ничего не помню. Воспоминания обрываются на том, как вы, Анатолий Викторович, подошли ко мне со своими ребятами. Дальше всё, финиш. Пустота. Провал в памяти, как будто меня по башке звезданули. Кстати, может, так и было, может, вы применили по отношению ко мне рукоприкладство?

– Нет, вас никто не бил.

– Тогда почему же я...

– Следующий вопрос, – прервал его майор. – У вас довольно распланированная, однообразная жизнь разъездного офисного сотрудника. Но припомните, в последний месяц не происходило ли с вами каких-нибудь странностей, выбивающихся из общей картины?

– А что вы называете странностями? – опешил Тимохин.

– Да всё что угодно. Всё, что выбивается за рамки вашего повседневного уклада.

Саша примолк. До него всё ещё не доходило, о каких странностях его спрашивают. Что может выбиваться из его уклада? Прилёт инопланетян? Встреча в бассейне с Несси? Или пикник в парке «Аркадия» со снежным человеком?

– Анатолий Викторович, – вмешался доктор Борменталь, видя Сашины затруднения, – позвольте, я кое-что уточню.

Майор кивнул. Психолог, приблизившись, присел на краешек стола и, глядя сверху вниз в глаза гостю, заговорил доверительным тоном:

– Александр, постарайтесь припомнить, быть может, за последний месяц вам довелось общаться с незнакомым человеком, после разговора с которым у вас случились провалы в памяти, или возникло ощущение, похожее на опьянение, или какое-то иное состояние, скажем так, одурения. Постарайтесь, вспомните.

– Одурения? – хмыкнул Саша. – С моими клиентами пообщаешься, так там и одурение, и опьянение, и помутнение рассудка получишь.

– Но всё же подумайте, – мягким тоном продолжил Борменталь. – Ведь ваши клиенты вам давно знакомы и уже привычны. А вот кто-то новый, ранее не встречавшийся...

– Кто-то новый? Да так с ходу и не скажешь. При нашей работе всякого насмотришься, есть старые клиенты, появляются и новые. И со всеми ними приходится общаться. А там уж от человека зависит, дуреешь ты от его болтовни или...

– А вы не торопитесь. Подумайте ещё.

Саша склонил голову, прикрыл глаза и начал копаться в памяти, стараясь самым честным образом выполнить просьбу доктора. «Где? Когда? С кем?» – спрашивал он себя, перебирая в памяти события прошедшего месяца. Но память, как зависший компьютер, выдавала только фрагменты работы, работы и снова работы. Открыв глаза, он успел заметить, как доктор, прищурившись, смотрел на его живот. Поймав Сашин взгляд, Борменталь тут же отвёл глаза в сторону и поморгал, словно его ослепило солнечным зайчиком.

– Итак! Вы что-то вспомнили? – всё тем же мягким тоном спросил он.

Александр не ответил. То, как буравил его взглядом психолог, напомнило ему утреннюю сцену на пляже. Точнее, встречу с парнем на «опеле». Тот тоже во время короткого диалога уставился на его живот и даже запнулся в этот момент. Вряд ли Тимохин был так уж беспощадно красив. Живот у него вполне обычный. Не пресс, что был раньше, но и не пивное пузо. Зачем же пляжный стукачок... А собственно, почему он мысленно назвал его именно стукачом?

«Стукачом я его назвал потому... потому... потому, что он на меня навёл майора с «волкодавами». Точно!» – В памяти всплыл момент, как в офисе незнакомец с пляжа шепчет что-то Сулинову и указывает на Сашу.

– Скажите, Анатолий Викторович, – обратился он к майору, – я сильно похож на человека, вместо которого вы меня задержали?

Сулинов явно не ожидал такого вопроса.

– А почему вы об этом спрашиваете?

– Невежливо отвечать вопросом на вопрос!

– Может, и невежливо, – майор хмурился всё сильнее, – но и вы задаёте нам вопрос, не ответив на наш.

– Я не отвечаю потому, что не могу вспомнить ничего достойного ответа. А чтобы вспомнить, мне нужна ясная картина в голове. Но сейчас ясность затруднена некоторыми нюансами. Один из них заключается в том, что до ареста вы меня не знали.

Сулинов и Борменталь обменялись быстрыми взглядами, но ничего не сказали, предоставив Саше возможность продолжать. Тимохин же, в отличие от них, молчать не собирался.

– Вы сказали, что шли арестовывать кого-то другого, но взяли меня. Почему? Я что, похож на какого-то террориста? Если бы это было так, вы бы знали, за кем идёте. Но это не так. Вас привёл к нам в офис и указал на меня длинный, лопоухий парень с залысинами, который ездит на сером «опеле». Только с его подачи вы ко мне подошли. А до этого, как я уже говорил, вы меня не знали. – Он на пару секунд замолчал, перевёл дыхание и продолжил: – Вот теперь и объясните мне, почему он на меня указал? Ведь мы с ним раньше не встречались. Это я заявляю абсолютно точно.

– Кхм... сейчас это не имеет никакого значения, – постарался закрыть тему майор.

Но Александр был непоколебим:

– Позвольте, позвольте! Имеет. Мы столкнулись с ним на пляже. Замечу – впервые. И через несколько часов он выводит на меня вашу группу захвата. Почему и за что? И почему он, как и вы, доктор, – молодой человек перевёл взгляд на Борменталья, – пристально пялился на моё туловище? На мне что, вытатуирован тайный знак какой-то секты или террористической организации?

На некоторое время в допросной повисло тяжёлое молчание.

– Отчасти вы правы, Александр, – выдохнул наконец психолог.

Майор встрепенулся и явно собирался возразить, но доктор поднял руку, и тот промолчал, застыв в напряжении.

«Однако вы, доктор, имеете тут весомый авторитет?»

– Я и Всеволод, так зовут нашего внештатного сотрудника, которого вы, Александр, назвали длинным и лопоухим, очень тщательно разглядывали ваш живот потому, что на нём действительно изображён тайный знак.

– Что за бред! – удивился Тимохин, задирая рубашку. – Никаких знаков на мне нет.

– Есть, Александр, поверьте, есть. У вас чуть ниже солнечного сплетения шесть родинок. Их расположение напоминает созвездие Большой Медведицы. Вы их видите и наверняка видели всю жизнь, сколько себя помните. Но чего вы не можете видеть, так это ещё несколько точек, нанесённых вам кем-то совсем недавно. Именно поэтому мы вас просили вспомнить, происходило ли что-нибудь странное за последний месяц.

– Да что же это за точки? – У парня резко сел голос. – Для чего они, зачем?

– Эти точки в совокупности с вашими родинками образуют некий символ, скажем так, метку-маяк. Через эту метку ваше тело должно было захватить существо из потустороннего мира.

Сашино сознание вынырнуло из воспоминаний, вернувшись в кабинет экстрасенса. Надежда продолжала свой рассказ о призраках, Эмма Гордеевна делала вид, будто внимательно её слушает.

«Метка, – подумал Тимохин. – Метку на мне разглядывала эта ведьма. Так же как доктор Борменталь, официальный медиум Комитета. Так же как Всеволод, прошедший спецподготовку в Комитете. И так же как теперь могу видеть метки я, тоже завербованный и обученный Комитетом. Однако...»

Однако и он, и Всеволод были способны разглядеть лишь открытые метки. На голой, так сказать, коже. А вот видеть метку через одежду могут только очень сильные медиумы. Получалось, что Эмма Гордеевна из их числа. Странно, что Комитет про неё до сих пор не знает. Или знает?

Александр покосился на Надю, которая так увлеклась, что рассказывала уже в лицах, словно эстрадная актриса. «А ведь на её живот эта Эмма так не смотрела. Не заинтересовала её Надя, – будто камень с плеч, пришло понимание. – Значит, девушка чиста. Никакой метки на ней нет». Довольный Тимохин откинулся на спинку кресла, беззвучно бормоча:

– Теперь берёмся за бритву Окамма и методом исключения определяем истинную цель охоты. Надя чиста. Их сынишка эмиссарам неинтересен. Остаётся муж объелся груш. Всё! Задание выполнено, можно докладывать Сулинову.

Осознание выполненной работы наполнило его лёгким куражом. Его покинули все негативные мысли и чувства, терзавшие душу с момента вызова на работу. Он даже без сожаления вспомнил нетронутый завтрак, так старательно приготовленный, и пропущенный из-за неотложных дел обед.

– Ничего, отыграюсь на ужине! – Увидев округлившиеся глаза женщин, понял, что эту мысль ляпнул уже вслух. – Упс! Пардон. Задумался о своём, умолкая и веду себя тише воды ниже травы.

– Зачем же молчать? – вдруг обратилась к нему крашенная медиум. – Наоборот, нам пора поговорить. Я достаточно выслушала вашу жену, чтобы понять, с какой проблемой столкнулось ваше семейство. И теперь...

– О нет, нет! Эмма Гордеевна, – краснея, перебила её Надя, – Александр мне не муж, он мой давний приятель. У него своя проблема, не связанная с нашей.

– Вот как? – В голосе медиума звучала крайняя степень удивления, а в глазах загорелся неподдельный интерес. – Что же это за «своя» проблема?

– Вы же экстрасенс, – с иронией парировал Тимохин. – Вы мне скажите.

– Молодой человек! – Теперь в голосе хозяйки салона зазвучало раздражение. – Я вам не гадалка цыганская. Я учёный! Магистр белой магии. И потому играть с вами в угадку не собираюсь. Как учёному, мне нужны факты, на основе которых я смогу сделать анализ вашего недуга и поставить диагноз. Поэтому прекращайте паясничать и изложите суть вашей проблемы.

– А суть его проблемы в том, что он прихвостень Комитета, – раздался голос от входной двери.

Саша с Надей резко обернулись.

В дверях стояла красавица Элла – секретарь Эммы Гордеевны. На её лице, бывшем вначале таким приветливым и обходительным, теперь читались ненависть и презрение. В правой руке она держала автоматический пистолет «глок», направленный на Александра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.